

РАЗУМНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ЯЗЫК
LANGUAGE AND REASONING

ТЕОРИЯ РАЗВИТИЯ

ТЕОРИЯ РАЗВИТИЯ

ДИФФЕРЕНЦИОННО-ИНТЕГРАЦИОННАЯ
ПАРАДИГМА

ISBN 978-5-9551-0302-0

9 785955 103020 >

ДИФФЕРЕНЦИОННО-ИНТЕГРАЦИОННАЯ
ТЕОРИЯ РАЗВИТИЯ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2011

УДК 159.9
ББК 28.0
Д 50

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)
проект № 10-06-07157

Д 50 Дифференционно-интеграционная теория развития / Сост.
Н. И. Чуприкова, А. Д. Кошелев. — М.: Языки славянских
культур, 2011. — 496 с., ил. — (Разумное поведение и язык.
Language and Reasoning).

ISBN 978-9551-0483-6

В книге представлены работы, посвященные различным аспектам общей дифференционно-интеграционной теории развития, сформировавшейся в трудах Я. А. Коменского, Г. Гегеля, Ч. Дарвина, Г. Спенсера, Вл. С. Соловьева, И. М. Сеченова, Х. Вернера и других мыслителей. Среди обсуждаемых тем как общетеоретические проблемы психического и социального развития, так и вопросы применения теории в конкретных областях: преподавании, детском развитии, в усвоении родного языка и др.

Книга будет интересна широкому кругу педагогов, психологов, этологов, зоологов, физиологов, эволюционистов, психолингвистов.

ББК 28.0

ДИФФЕРЕНЦИОННО-ИНТЕГРАЦИОННАЯ ТЕОРИЯ РАЗВИТИЯ

Издатель А. Кошелев
Зав. редакцией М. Тимофеева

Оригинал-макет подготовлен Е. Морозовой

Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 18.05.2011. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная № 1,
печать офсетная. Гарнитура Times. Усл. печ. л. 31,0. Тираж 400. Заказ
Издательство «Языки славянских культур». № госрегистрации 1037789030641.

Тел.: 95-952-60. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com

Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

ISBN 978-5-9551-0483-6

© Авторы, 2011

© Сост. Н. И. Чуприкова, А. Д. Кошелев, 2011

© Языки славянских культур, оригинал-макет, 2011

О ПРОТОЯЗЫКЕ И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИИ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК (ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

Кошелев Алексей Дмитриевич — канд. физ.-мат. наук, в 1980-е годы — науч. сотр. лаб. математического моделирования психических процессов НИИ ОПП, с начала 1990-х — главный редактор издательства «Языки славянских культур».

Научные интересы: лингвистическая семантика; анализ лингвоспецифических и универсальных концептов; психолингвистика; когнитивная психология; когнитивные модели.

Из работ последних лет: Они говорят или обезьянничают? (предисловие издателя, в кн.: Зорина З. А., Смирнова А. А. О чем рассказали «говорящие» обезьяны. М., 2006); К общему определению игры (Вопр. философии. 2006. № 11); О природе комического и функции смеха (Язык в движении: К 70-летию Л. П. Крысина. М., 2007); К описанию универсального концепта 'ОБМАН—ОБМАНУТЬ' (Логический анализ языка: Между ложью и фантазией. М., 2008); Об основных парадигмах изучения естественного языка в свете современных данных когнитивной психологии (Вопр. языкознания. 2008. № 4); О качественном отличии человека от антропоида (Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. М., 2008); О языке психолингвистики (Там же); О классификации и эволюционной динамике лингвистических теорий (Динамические модели: Слово. Текст. Предложение: Сб. ст. в честь Е. В. Падучевой. М., 2008).

Эти и другие работы см. на веб-сайте: <http://www.lrc-press.ru/05.htm>

В статье аргументируется следующая эволюционная гипотеза: при трансформации человеческого протоязыка в исходный человеческий язык (праязык) однозначная лексика протоязыка, содержащая только основные (концептуальные) значения, преобразуется в многозначную лексику праязыка, содержащую как прежние (концептуальные) значения, так и новые — производные (от них) значения. Показывается, что такое преобразование — формирование производных значений — обусловлено способностью человека к дифференциации и системной интеграции целостных концептов. Приводятся данные в пользу гипо-

тезы о скачкообразном характере появления указанной способности и порождаемых с ее помощью производных значений. Рассмотрены два аналога протоязыка: язык ребенка полутора-двух лет и жестовый «язык говорящих антропоидов».

1. ВВЕДЕНИЕ

1. Колоссальный разрыв, существующий между системами коммуникации животных и человеческим языком, склоняет многих ученых к мысли, что ближайшие предки человека владели некоторыми «промежуточными» системами коммуникации — протоязыками. По мнению исследователей, уже *Homo erectus* использовал подобный протоязык. В числе первых эту точку зрения высказал Д. Бикертон — один из пионеров изучения проблемы протоязыка. Вот как его позиция охарактеризована в монографии В. Фитча:

Бикертон дал обзор палеонтологических и археологических данных... и пришел к выводу, что австралопитеки были по сути дела прямоходящими шимпанзе. Они... существенно не продвинулись в плане неврологической конституции, социальной организации и культуры (в том числе и лингвистической). В противоположность этим приматам, очевидный прогресс имел место у представителей рода *Homo*, и в особенности у *Homo erectus*, которому Бикертон, как и многие другие исследователи, явным образом приписывает овладение протоязыком [Fitch 2010: 403].

Если согласиться с этой гипотезой, то естественно предположить, что неандерталец владел еще более развитой версией протоязыка. Более того, можно было бы ожидать, что одновременно с появлением *Homo sapiens* (примерно 200 тыс. лет назад) возник и человеческий язык. Современные данные, однако, этот вывод не подтверждают: первые более чем 100 тыс. лет своего существования анатомически современный человек также говорил на протоязыке, а полноценный человеческий язык — источник всех существующих сейчас человеческих языков — возник гораздо позже, предположительно 50—40 тыс. лет назад.

Поскольку почти никаких фактических данных о «протоязыковом» этапе эволюции человеческого языка не сохранилось¹, его изучение мо-

¹ В п. 2.5 мы показываем, что некоторые слова человеческого протоязыка (сходные с ними пары вида «звуковой комплекс — концепт») сохранились в лексике современных языков.

жет опираться лишь на интуицию, косвенные соображения и теоретические выкладки. Это создает почву для самых разнообразных теорий, гипотез и догадок, подчас весьма зыбких. Касаясь многообразия и противоречивости подходов к проблеме языковой эволюции, Д. Бикертон, пишет в заключении статьи об эволюция языка [Bickerton 2007: 524]:

Лингвисты по крайней мере обладают одним преимуществом перед представителями других научных дисциплин. Неразрешенные противоречия между различными теориями синтаксиса и фонологии, не говоря о практически не привлеченной семантике, должны были хорошо подготовить их к поразительному отсутствию консенсуса и несовместимости различных подходов, с которыми они сталкиваются на почве языковой эволюции.

2. Для того чтобы в этом многообразии подходов и гипотез найти точку приложения сил, мы, во-первых, сузим рамки рассматриваемого нами периода языковой эволюции, ограничившись лишь последним этапом — переходом от **человеческого праязыка** к человеческому **языку**. Во-вторых, мы разделяем предположение Бикертонна, что протоязык был лексическим (об этом см. ниже), и потому не обсуждаем две другие возможные модальности протоязыка: жестовую, предложенную Г. Хьюзом, и музыкальную, впервые предложенную еще Ч. Дарвином.

При этом нас будет интересовать только семантический аспект языковой эволюции, а именно, как меняются лексические значения отдельных слов протоязыка при их трансформации в человеческий язык. Этот аспект до сих пор не рассматривался сколько-нибудь подробно, потому что все еще считается, что главное эволюционное приобретение естественного языка — это синтаксис [Fitch 2010: 403]. В связи с этим проблемы предикации и синтаксиса протоязыка, занимающие Бикертонна, также останутся вне нашего внимания. Наконец, вслед за М. Руленом, Р. Клейном, Д. Бикертонном и рядом других ученых (см. ниже), мы разделяем сальтационистскую гипотезу, согласно которой появление человеческого языка носило характер эволюционного скачка: протоязык трансформировался в человеческий язык (праязык) достаточно быстро, минуя промежуточные стадии.

3. Дадим прежде необходимые определения. Начнем с уточнения терминов «протоязык» и «праязык».

В моногенетической теории языка **праязык** — это первый, самый древний **человеческий** язык, родоначальник всех языковых макросемей (ностратической и других) и в конечном итоге — всех современных языков, ср. точку зрения С. А. Старостина:

Наиболее вероятная теория сейчас — это моногенез. То есть то, что язык произошел из одного источника (праязыка. — А. К.). <...> По лингвистическим данным, это никак не глубже, чем 40—50 тысяч лет <...> это максимум, потому что те макросемьи, которые нам известны, имеют датировку порядка 15—17 тысяч. Для сведения воедино других языковых семей может потребоваться еще два-три этажа, но исходный пункт не может быть старше 40—50 тысяч лет, иначе не сохранились бы глобальные этимологии, иначе мы не увидели бы вообще ничего. Это можно показать чисто математически [Старостин 2003: 42—43].

Протоязык, напротив, не «ранний или единый праязык», а филогенетический **предшественник праязыка**. Если праязыком называется древний, но полноценный **естественный** язык, то термином «протоязык» принято называть символическую коммуникативную систему, которая занимает промежуточное положение между коммуникативными системами животных с одной стороны и языком человека — с другой (ср. также [Ruhlen 1996: 1]; [Барулин 2008: 50])². Отметим здесь, что термином «протоязык» (в кавычках) мы называем детскую версию языка и «фразы говорящих антропоидов», подробнее о них см. ниже.

Обратимся теперь к понятию лексического протоязыка. Как пишет Фитч,

... речь идет о протоязыке, обладающем обширным словарем значимых символов, но лишенном отработанного синтаксиса. Слова в таком языке не комбинируются в сложно выстроенные предложения, так что обретение синтаксиса рассматривается как следующий, заключительный шаг в эволюции языка [Fitch 2010: 401].

Д. Бикертон, внесший наиболее весомый вклад в разработку идеи лексического протоязыка (см. [Bickerton 1990; 2009]), обращает внимание на две характеристики высказываний (вокализаций) на лексическом протоязыке — предикативность и синтаксичность. По его мнению, первым свойством эти высказывания обладают, а вторым — нет (или обладают в малой степени), ср:

У протоязыка и языка есть одна важная особенность, отсутствующая в любой Системе Коммуникаций Животных: возможность соединять слова. <...> В СКЖ комбинации невозможны... комбинация элементов языка или протоязыка должна иметь определенный смысл. Вот он, этот смысл: возьмите нечто (субъект) и скажите о нем что-нибудь

² О протоязыке и различных его версиях (лексической, жестовой, музыкальной и др.) см., напр., [Fitch 2010: 401—506; Bickerton 2009: 85—90; 2008].

(предикат). Предикация — один из основных и фундаментальных процессов в языке. Возможно, у синтаксиса нет никаких предшественников в коммуникации животных, но предикация точно является предшественником синтаксиса [Bickerton 2009: 41].

4. Перейдем к описанию той модели трансформации протоязыка в язык, которую мы далее будем исследовать.

Во-первых, как уже упоминалось, мы рассматриваем трансформацию протоязыка в праязык только на этапе существования анатомически современного человека, поэтому все проблемы, связанные с анатомией и физиологией речи (готовность речевого аппарата, величина подъязычного канала, контроль над дыханием и вокализацией и др.), элиминируются сами собой. Во-вторых, мы принимаем гипотезу, что человеческий праязык — непосредственный филогенетический предшественник современных человеческих языков — возник примерно 40—50 тыс. лет назад.

С. А. Старостин определил этот срок, опираясь на данные глоттохронологии (скорость старения и замены базовой лексики) и на глобальные этимологии. Так же считают коллеги С. Старостина О. Мудрак и М. Рулен, сопредседательствовавший с С. А. Старостиным в проекте «Эволюция человеческого языка».

Так, Рулен полагает, что появление человеческого языка (праязыка) было связано с технологическим и культурным прогрессом, наблюдавшимся в это же время. Хотя анатомически современный человек (*Homo sapiens*) появился около 200 тыс. лет назад, по своему культурному и поведенческому развитию он поначалу мало отличался от неандертальца³. Только около 50 тыс. лет назад «произошло фундаментальное изменение, которое ясно отражено в археологических данных». Одновременно в разных местах стали появляться гораздо более сложные и изощренные артефакты: рыболовные крючки, пуговицы, застёжки, перфорированные ракушки (предположительно из ожерелий), предметы искусства и пр. Аналогичную точку зрения развивает антрополог и биолог Р. Клейн⁴.

³ Ср. также: «Древнейшие люди современного типа в культурном отношении ничем не превосходили современных им ранних неандертальцев из Европы. У тех и других была примерно одинаковая среднепалеолитическая каменная индустрия. Никаких характерных признаков «подлинно человеческой духовной культуры» у людей из Омо не было. Все это появилось намного позже», см. [Марков 2009].

⁴ См. лекцию Клейна «Три вида человеческой популяции» (<http://www.accessexcellence.org/BF/bf02/klein/bf02e3.php>), а также монографию [Klein, Edga 2002].

З а м е ч а н и е. Согласно недавним археологическим открытиям, могли иметь место еще по меньшей мере два более ранних расцвета культуры подобного типа: «... первый расцвет „высокой культуры“ в Южной Африке начался 71,9 тыс. лет назад и длился менее тысячелетия. Затем, после долгого перерыва, начался новый подъем, продолжавшийся в период от 64,8 до 59,5 тыс. лет назад. (...) В это время впервые в большом количестве появляются украшения (ожерелья из продырявленных ракушек) и геометрические узоры, выцарапанные на камнях или скорлупе страусиных яиц. (...) В последнее время антропологи всё больше склоняются к мысли о том, что появление ожерелий и орнаментов было непосредственно связано с развитием символического мышления и речи» [Марков 2008].

Однако сравнительно малая продолжительность этих ранних всплесков культуры позволяет предположить, что их языковая традиция бесследно исчезла⁵.

Итак, в центре нашего внимания будет трансформация лексического протоязыка в человеческий язык (праязык), произошедшая предположительно 50—40 тыс. лет назад, (рис. 1).

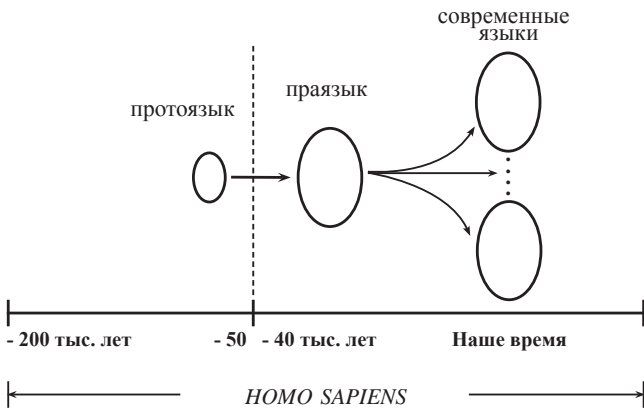

Рис. 1. Эволюция протоязыка в праязык

5. Зададимся теперь вопросом: была ли эта трансформация скачкообразной, «одномоментной» или же, напротив, она имела вид длительного многоступенчатого процесса. Обратимся к истории. Чарльз Дарвин считал, что возникновение человеческого языка (из «музы-

⁵ Я благодарен С. А. Бурлак, обратившей мое внимание на приведенные данные.

кального протоязыка») носило эволюционный характер. Немецкий философ и лингвист В. фон Гумбольдт, напротив, со всей определенностью высказался за скачкообразную трансформацию: «Язык не может возникнуть иначе, как сразу и вдруг, или, точнее говоря, языку в каждый данный момент его бытия должно быть свойственно все, что делает его единым целым» [Гумбольдт 1984: 308].

Приведем теперь два высказывания уже наших современников, Е. Н. Панова и Д. Бикертонa, поддерживающих эту мысль Гумбольдта.

Кардинальные сущностные различия в коммуникации у животных и у людей не дают ни малейшей надежды проследить постепенность трансформации систем коммуникации у животных в язык человека. Такого рода ожидания основаны на плоском эволюционизме, не принимающем во внимание реальность скачкообразных трансформаций биологических структур — того их типа, которые в эволюционной теории известны под названием ароморфозов [Северцов 1939].

Именно таким ароморфозом можно считать приобретение речи человеком и становления на этой почве сознания в строгом смысле этого слова [Панов 2011; в печати]⁶.

Есть такая история, несомненный апокриф, про одно государство в Западной Африке, где зачем-то решили сменить правостороннее движение на левостороннее (или наоборот). Спикер правительства заявил, что водителям не о чем волноваться, «потому что изменения будут происходить постепенно».

Я уверен в том, что и переход от протоязыка происходил примерно так же, но без смертельных случаев. Хотя в остальном это была примерно та же ситуация. Вы ездите либо слева, либо справа — промежуточных вариантов не дано (мы не рассматриваем езду по двойной сплошной). Точно так же вы либо пользуетесь протоязыком и принципом бусин⁷, либо используете настоящий язык, с Соединением и иерархической структурой. Это не могло быть достигнуто, как предполагают некоторые, серией изменений в протоязыке, которые постепенно приближали его к настоящему языку: либо высказывание имеет иерархическую структуру, либо нет. Просто случилось так, что всё

⁶ Об «эволюционных скачках» применительно к эволюции человеческого познания и языка см. также [Lanyon 2006].

⁷ Бикертон утверждает, что в полноценном синтаксисе соседние слова «соединяются» (*merge*) и «образуют иерархическую структуру, похожую на дерево», а в протоязыке они «наннизируются как бусинки на нитку: A + B + C», не соединяясь между собой. Бикертон указывает (р. 235), что использует слово *merge* как термин Хомского (из его минималистской программы), см. об этом термине, напр., в [Тестелец 2001: 640].

больше и больше протолюдей начинали использовать язык, и те, которые им пользовались, делали это все чаще [Bickerton 2009: 234].

6. Аргументация Бикертонна представляется нам вполне убедительной. Более того, далее мы постараемся подробно обосновать аналогичный вывод, касающийся скачкообразной трансформации лексических значений: преобразование однозначных слов протоязыка в многозначные слова человеческого языка не осуществимо путем постепенной модификацией последних. Но прежде нам хотелось бы кратко остановиться еще на одном вопросе: какие факторы человеческого развития обусловили скачкообразный характер языковой трансформации?

Р. Клейн полагает, что и язык, и резкий культурный и поведенческий прогресс *Homo sapiens* возникли в результате «точечной мутации, произошедшей в мозге и приведшей к биологическим изменениям {...} это могло бы быть изменение в организации мозга» (из упомянутой выше лекции).

Предположение Клейна, что креативный взрыв *Homo sapiens* был вызван генетическими и нейробиологическими изменениями его мозга, разделяют и некоторые другие ученые, в частности Н. Хомский и Д. Бикертон.

В некой маленькой группе, потомками которой мы все являемся, произошла некоторая перенастройка мозга (rewiring of the brain) ... Индивиды с такой перенастройкой обладали рядом преимуществ: способностью к сложным умозаключениям, планированию, интерпретации и так далее. Способность передалась по наследству, и ее носители получили превосходство (Н. Хомский, цит. по: [Bickerton 2009: 181]).

Основная мысль, которую надо держать в уме: между человеком и всеми остальными существует не один, а два разрыва. У нас есть язык, а у других видов его нет, и у нас есть кажущаяся безграничной способность к творчеству, которая у других видов отсутствует. И язык, и способность к творчеству представляют собой бесконечность с точки зрения любых практических целей, — является ли это простым совпадением? С точки зрения эволюции существование двух независимых друг от друга разрывов такого масштаба в одном-единственном виде было бы слишком странным. Так что стоит по меньшей мере допустить возможность, что эти разрывы происходят из одного источника.

Язык связан с сознанием, и креативность связана с сознанием — сознанием, которое представляет собой всего-навсего работу мозга. Так что наиболее вероятная причина двойного разрыва заключается в различиях в работе человеческого мозга и мозга животных [Bickerton 2009: 181].

7. Приведенный краткий обзор имел целью поддержать точку зрения, представленную в данной статье, а именно: креативный взрыв и вызванный им а) культурный и поведенческий прогресс *Homo sapiens* и б) возникновение у него полноценного естественного языка обусловлены одномоментной **масштабной перенастройкой его мозга**. Мы не будем касаться, ни генетических и нейрофизиологических аспектов этой перестройки, ни, тем более, причин, ее вызвавших. В центре нашего внимания будут ее последствия когнитивного и языкового характера. Если давать общую оценку этим последствиям, то несомненно одно: они знаменуют новый этап эволюции человека. Как мы постараемся показать, общая теория развития, представленная в данном сборнике, см. напр., статьи Н. И. Чуприковой и А. Д. Кошелева («В поисках универсальной схемы развития»), позволяет объяснить некоторые важные аспекты этого эволюционного этапа.

Одно из основных когнитивных проявлений нового этапа развития выражается, на наш взгляд, **в появлении у человека способности**, с одной стороны, **дифференцировать целостные явления** окружающего мира (предметы, действия, качества), выделяя в них дискретные составляющие (компоненты, части), а с другой стороны, **объединять эти дискретные составляющие, а также и целостные явления в новые, интегрированные целостности**, создавая тем самым «ментальные» объекты, действия и качества, которых нет в непосредственно воспринимаемом реальном мире. В результате у *Homo sapiens* наряду с прежним, целостным представлением мира, имевшим место до креативного взрыва, теперь появляется еще одно — **дискретное и системное — представление** мира. Такое качественное усложнение картины мира открывает креативному человеку огромные возможности в осмыслении и интерпретации воспринимаемых явлений, в построении более сложных умозаключений и планов. Тем самым человек начинает гораздо глубже понимать окружающий мир, а значит, и видеть возможности для более содержательного взаимодействия с ним.

Но одновременно с этим у креативных людей появляются новые проблемы в сфере общения и понимания друг друга. Если раньше они воспринимали мир одинаково — как совокупность целостных объектов и действий, и их протоязыка было вполне достаточно, то теперь они обрели способность по-разному «дробить и собирать заново» этот целостный мир, мысленно перекраивая его в соответствии со своими уже вполне индивидуальными целями, возможностями и планами. Без появления коммуникативной системы, способной адекватно выражать их столь усложнившиеся и различающиеся теперь представления мира

и служить инструментом для формирования единых, коллективных представлений креативные люди утратили бы всякую способность к совместным действиям и, как следствие, к социальной жизни вообще, т. е. попросту погибли бы. Поэтому возникновение полноценного человеческого языка стало для них единственной возможностью не только выжить с вновь обретенными креативными способностями, но и эффективно использовать их в борьбе за существование.

8. Сформулированное общее положение отчетливо проявляется при анализе эволюции лексических значений языка. Этот анализ показывает, что все слова конкретной лексики⁸ имеют одно концептуальное значение, отражающее целостное представление какого-то класса (категории) явлений реальной действительности (предметов, действий, качеств), и по несколько производных значений — двухкомпонентных понятий — продуктов дифференциации и интеграции этих концептуальных значений и их референтов (объектов и действий). Характерно при этом, что ребенок сначала усваивает слова только в концептуальных значениях (*дерево, обезьяна, рука*) и в возрасте примерно от полутора до двух лет использует только концептуальную лексику, т. е. говорит на «протоязыке» родного языка. Начиная с двухлетнего возраста у него одновременно возникает а) способность к дифференциации частей и свойств у предметов окружающего мира и б) способность к формированию для своих первично однозначных слов других, уже производных значений, с использованием отдельных свойств концептуальных значений. Например, у слова *дерево*, имеющего концептуальное значение ‘растение с твердым стволом, ветвями и кроной’ (ср.: *У дома растет дерево*), появляются производные значения: сначала — ‘древесный материал’ (*Это — дерево, о деревянном столе*), позднее — ‘структура взаимосвязи элементов’ (*Дерево зависимостей*). У слова *обезьяна* появляется производное значение ≈ ‘кривляка’ (*Ваня — настоящая обезьянка*), у слова *рука* (*ручка*) — производное значение ≈ ‘часть предмета, который держат рукой, чтобы манипулировать всем предметом’ (*Ручка двери*). Тем самым первично однозначные «протослова» ребенка трансформируются в семантически полноценные (многозначные) слова языка взрослых.

Этот двухэтапный процесс усвоения ребенком лексики родного языка (со строгим разделением этапов) естественно рассматривать

⁸ Об «эволюционных скачках» применительно к эволюции человеческого познания и языка см. также [Lanyon 2006].

как онтогенетической модель филогенетического эволюционного процесса: трансформацию однозначной лексики протоязыка человека в многозначную лексику полноценного языка.

Далее, в разделе 2 мы более подробно обсудим основные положения статьи, а в следующем за статьей Экскурсе дадим детальный анализ лингвистической стороны рассматриваемой эволюции языка.

2. САЛЬТАЦИОНИСТСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИОННАЯ ГИПОТЕЗА

1. Коснемся сначала основных типов лексических значений. Согласно концепции акад. В. В. Виноградова [Виноградов 1977], все лексические значения естественного делятся на два непересекающихся класса — Основные vs Производные значения (в терминологии В. В. Виноградова). Слова, употребляющиеся в основных значениях, описывают **целостные явления** («кусочки действительности»): предметы и живых существ (*дерево, яблоко, медведь, человек*), массы (*вода, молоко, песок*), движения и действия (*идти*, ср. *Человек идет; есть*, ср. *Мальчик ест яблоко*). Основное значение — это, коротко говоря, базовый концепт: целостная понятийная характеристика явления, представляющая собой синтез его образной и содержательной компонент (Формы и Содержания). Базовые концепты ДЕРЕВО, МЕДВЕДЬ, ВОДА, ЧЕЛОВЕК ИДЕТ задают категории явлений реального мира — классы, члены которых внешне и содержательно схожи друг с другом: «Люди», «Деревья», «Вода», «Человек идет» и др. Поэтому референты слов в основных значениях — это **реальные** предметы и действия: реальные люди, деревья, человеческая ходьба и пр.

Производные значения слова (метафорические, метонимические и синекдохические) имеют качественно иную природу. Проведенный нами детальный анализ общей структуры производных значений (см. Экскурс) показал, что, в отличие от основного значения слова (целостного концепта), производное значение **двусоставно**. Оно, в отличие от основного значения, задает не категорию объектов, а **подкласс объектов другой категории**, который служит своеобразным **семантическим мостиком**, связывающим две различные категории — ту, которая задается основным значением слова, и другую, задаваемую контекстом, в котором это слово употреблено.

Например, основное значение слова *медведь* называет категорию (родовой класс) животных определенного вида и поведения, а метафорическое значение слова *медведь* во фразе *Собакевич был настоящей медведь* имеет вид:

- (1) Производное (метафорическое) значение слова *медведь* = ‘человек, который обладает неуклюжестью, сходной с неуклюжестью медведя’.

В приведенной фразе данное слово называет уже **не медведя, а человека** (члена другого родового класса — «Люди»), причем не любого, а такого, который обладает свойством неуклюжести, сходным с неуклюжестью медведя. Образовалось это производное значение путем **дифференциации** основного значения — базового концепта МЕДВЕДЬ — и выделения одного из них — свойства ‘неуклюжесть’.

Согласно определению (1), референты этого производного значения составляют подкласс «Неуклюжие люди» в категории «Люди». Этот подкласс связывает свойством ‘неуклюжесть’ две совершенно различные категории, служа семантическим мостиком между ними: «Медведи» (она задается основным значением слова *медведь*) и «Люди» (она задается контекстом — именем *Собакевич*), см. Экскурс, рис. 1.

Это же справедливо и для глагольных производных значений. Рассмотрим глагол *идти*, точнее, фразу *Человек идет*. Ее концептуальное (основное) значение в первом приближении можно определить так:

- (2) *Человек идет* (основное значение, или концепт ЧЕЛОВЕК ИДЕТ) \approx
- i) Человек для достижения своей цели — «попасть в некоторый пункт Р» — выбирает неторопливую манеру перемещения⁹ (содержание);
 - ii) движется в направлении Р посредством своих ног, переступая ими по земле следующим способом (кинематическая форма)

Производные, в частности, метафорические значения глагола *идти* образуются путем дифференциации в основном значении отдельных свойств и **извлечения** из получившейся совокупности какого-то типичного свойства, например, свойства ‘двигаться поступательно и

⁹ Этот компонент вполне допускает фразы типа *Мы спешим, надо идти быстро*, поскольку в рамках задаваемой им неторопливой манеры передвижения возможны градации скорости — от медленной до быстрой. Подчеркнем: описания концептуальных значений — это не лингвистические толкования, а характеристики когнитивного представления («телесного воплощения») концептов.

плавно», и приписывания его движению из другой, контекстно подержанной категории («Поезд идет» и под.).

Рассмотрим фразу *Лошадь шла ровной рысью*. В ней глагол *идти* употреблен в метафорическом значении:

(3) *идет* (во фразе *Лошадь идет рысью*) = Лошадь бежит, обладая свойством ‘двигаться поступательно и плавно’, сходным с типичным свойством ходьбы: ‘небыстрое, плавное и поступательное перемещение’¹⁰.

Это значение выделяет в категории «Лошадь бежит» (поддержанной контекстно словом *рысью*) подкласс движений — референтов метафорического значения (3), которые сходны по указанному свойству с человеческой ходьбой. Тем самым, двусоставное значение (3) служит семантическим мостиком, связывающим категории «Человек идет» и «Лошадь бежит».

Точно так же в словосочетании *дерево зависимостей* существительное *дерево* своим производным значением ‘≈ структура дерева’ отражает лишь одно из свойств реального дерева; производное значение слова *вода*, отнесенного к молоку во фразе *Это не молоко, а вода* (о молоке малой жирности) выражает отдельное свойство воды — ‘отсутствие специфического вкуса’. Аналогичное метафорическое значение имеет глагол *есть* во фразе *Ржавчина есть железо*.

2. Хорошо известно, что знаменательное слово имеет одно основное и, как правило, несколько производных значений. При этом основные значения обладают универсальным статусом, т. е. совпадают в разных языках, а производные значения — культурно- и лингвоспецифичны. Известно также, что базовые концепты, составляющие основные значения, формируются у ребенка первыми, причем до и независимо от усвоения им родного языка¹¹ [Кошелев 2009], а производные значения (двухкомпонентные понятия, содержащие отдельные свойства базовых концептов) усваиваются при существенном индуциру-

¹⁰ В поддержку предлагаемого толкования приведем полный текст этой и следующей фразы из рассказа А. Куприна «Изумруд». Они описывают бег рысака по кличке Изумруд: «Он шел ровной машистой рысью, почти не колеблясь спиной, с вытянутой вперед и слегка привороченной к левой оглобле шей, с прямо поднятой мордой. Благодаря редкому, хотя необыкновенно длинному шагу его бег издали не производил впечатления быстроты; казалось, что рысак меряет не торопясь дорогу прямыми, как циркуль, передними ногами, чуть приотгибаясь концами копыт к земле».

¹¹ См. Экскурс, п. 4.

щем воздействии языка и только с двухлетнего возраста — с начала языкового взрыва [Пинкер 2004: 255—256; Кошелев 2008: 221—224]. При этом и дифференциация окружающих ребенка объектов также начинает осуществляться в это же время, см. п. 8.

Эти и некоторые другие (рассмотренные ниже) данные служат основанием для следующей точки зрения. Основные и производные значения отражают два принципиально разных взгляда человека на реальный мир. Основные значения задают синтетическое и универсальное представление о мире. Элементарными единицами этого представления служат целостные явления: предметы, живые существа, качества и действия, неразложимые на составные элементы, части или свойства. Фразы, составленные из слов с основными значениями (*Человек идет по тропинке, Ребенок плачет, Девочка ест красное яблоко, Курица бежит к кормушке, На столе лежит железный нож* и под.), тоже имеют основные значения. Они описывают естественные ситуации этого мира и связи, существующие между их элементами. Короче говоря, они выражают общечеловеческое представление о реальном мире.

Фактически об этом же пишет и В. В. Виноградов:

В основном, круг употребления номинативного (основного. — А. К.) значения слова, круг его связей соответствует связям и отношениям самих предметов, процессов и явлений действительного мира, например: *пить воду, квас, вино, чай, сидр, виноградный сок* и т. п.; *каменный дом, подвал, фундамент, пол, сарай* и т. п.; *щурить, прищуривать глаза, силлабический стих, стихосложение* [Виноградов 1977: 171].

Производные значения, напротив, задают дифференцированное и этноспецифическое описание окружающего мира. Элементарными единицами здесь становятся уже отдельные свойства и части основных значений (концептов), а значит и предметов, действий и качеств. Однако для того чтобы сформировать такие дробные значения, человек должен уметь разлагать свои исходно целостные концепты на составляющие элементы. Он должен научиться видеть в целостном концепте совокупность частей [Кошелев 2008: 225—228]. Конечно, язык своими производными значениями не может индуцировать такую дифференциацию мира. Способность к делению целого на части должна возникнуть в человеке сама по себе, как продукт его внутреннего (когнитивного) развития. Лишь после овладения этой способностью человек сможет усваивать и порождать производные значения. И здесь уже язык берет на себя ведущую роль: он индуцирует

формирование только вполне определенных производных значений, задавая свою (этноспецифическую) систему дробления концептов и установления семантических связей между концептами, иначе говоря, этноспецифическую схему «сцепления понятий», которое, по выражению А. С. Шишкова, «у каждого народа делается своим особливим образом» [Шишков 1803/2010: 36]. В русском языке из концепта ЧЕЛОВЕК ИДЕТ порождается одна система производных значений, а в английском языке из того же концепта A PERSON WALKS — существенно иная¹². Но (и это самое важное) и в том и в другом случае возникает типологически тождественное **дискретное и системное** описание мира.

3. Если взглянуть на сказанное с эволюционной точки зрения, то можно предположить, что целостный и дискретный взгляд на окружающий мир отражают два последовательных этапа эволюционного развития человека. На первом этапе целостному взгляду человека на окружающий мир соответствовал протоязык, лексикон которого составляли однозначные слова с основными значениями (концептами)¹³. Возникновение на следующем этапе эволюционного развития дискретной картины окружающего мира обеспечило человеку возможность сформировать вокруг каждого основного значения слова (базового концепта) совокупность производных значений. Теперь набор его базовых концептов, прежде изолированных, превращается в концептуально-смысловую сеть, в которой производные значения задают подклассы своих референтов в «чужих», контекстно обусловленных категориях и, подобно смысловым мостикам, связывают «родную» и «чужую» категории. Тем самым у социума начинает формироваться более глубокая и единая коллективная картина мира¹⁴.

В поддержку предлагаемой трансформационной гипотезы далее будут приведены свидетельства, исходящие от двух коррелятов протоязыка¹⁵. Первое — это язык ребенка в возрасте от полутора до двух лет, который можно трактовать как «протоязык» его родного языка. Второе — данные в пользу предположения, что «говорящие обезьяны» — участники экспериментов по обучению антропоидов «языкам-посредникам» [Панов 2005: 349—402] овладевают коррелятом «про-

¹² См. Экскурс, п. 6

¹³ См. Там же, п. 4.

¹⁴ См. Там же, п. 5, 10.

¹⁵ См. Там же, п. 8, 9.

тоязыка» английского языка¹⁶. Наконец, косвенным подтверждением нашей гипотезы относительно того, что развитие из протоязыка полноценного человеческого языка связано с новым этапом когнитивного развития человека — возникновением у него способности видеть мир как систему дискретных элементов, служит тот факт, что, несмотря на все усилия воспитателей, шимпанзе (в отличие от любого ребенка, спонтанно и без всяких усилий со стороны своих воспитателей после двух лет быстро и легко усваивающего родной язык) ни на шаг не приблизился к полноценному английскому языку [Bickerton 2009: 89—91; Зорина, Смирнова 2006: 237].

4. Обратимся теперь к характеристике лексики протоязыка и праязыка. Анализ основных (концептуальных) и производных лексических значений позволяет предположить следующее. Лексика протоязыка была однозначной и содержала только основные значения, отражающие целостное представление мира. При трансформации протоязыка в праязык все слова протоязыка с их основными значениями вошли в лексикон праязыка (первого человеческого языка). Но при этом многие слова протоязыка обрели также производные значения, наследующие различные свойства основного значения слова, значимые для данного социума и связывающие соответствующие базовые концепты в единую концептуально-смысловую сеть. Тем самым лексика возникшего праязыка стала отражать не только целостное (и универсальное), но и дискретное (и этноспецифическое) представление окружающего мира.

Подчеркнем: способность к формированию производных значений могла возникнуть только скачкообразно. Это не означает, что и производные значения появились все сразу. Процедура формирования производных значений, возникнув сразу, начала порождать их постепенно, по мере расширения в данном социуме коллективных (этноспецифических) знаний о мире. Иначе говоря, дискретно (одномоментно) должна была появиться у человека только способность дифференцировать свои целостные концепты и выбирать из них какие-то отдельные компоненты, чтобы породить на их основе производные значения. Здесь уместно вспомнить о выразительной аналогии Бикертон, приведенной выше: движение машин не может быть частично правосторонним, а частично левосторонним, т. е. не может быть ситуации,

¹⁶ Этот факт признал даже Д. Бикертон, в целом скептически оценивающий «языковые» успехи антропоидов в упомянутых экспериментах [Bickerton 2009: 83, 90].

при которой в лексиконе протоязыка производные значения тоже есть, но их немного, а в лексиконе праязыка их, напротив, уже очень много. Сказанное свидетельствует в пользу скачкообразной, а не эволюционной трансформации протоязыка в праязык.

Резонно спросить: разве производные значения не могли появиться позже, при последующем развитии праязыка? Наш ответ: нет, не могли. Как известно, лексическая многозначность — это лингвистическая универсалия, присущая словам всех известных языков. А поскольку праязык был полноценным человеческим языком, естественно полагать, что с момента своего зарождения его слова тоже были многозначными.

Итак, можно утверждать, что **лексика протоязыка целиком вошла в лексикон праязыка**, образовав своими основными значениями его ядерную, понятийную базу — совокупность универсальных, или общечеловеческих понятий — наиболее важных в обиходной прачеловеческой жизни.

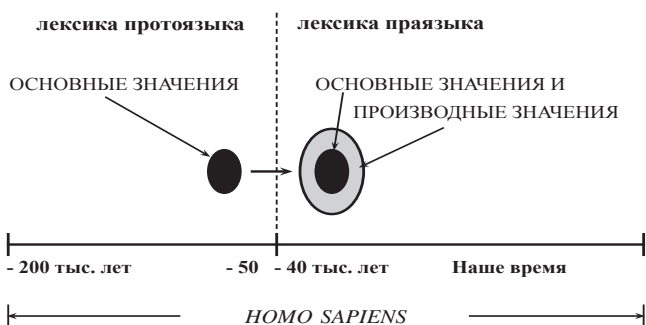

Рис. 2. Трансформация лексики протоязыка в лексику праязыка: слова сохраняют основные значения и обретают производные значения

5. Свидетельства глоттохронологии. Независимую поддержку высказанной гипотезе мы находим в глоттохронологии — области сравнительно-исторического языкознания, которая изучает скорость изменения базовой лексики языков и определяет на этом основании родство языков (время разделения языков и степень их близости) [Иванов 1990: 109].

Обратимся к основному понятию глоттохронологии — так называемой базовой лексике языка — лексике, обозначающей общечеловеческие концепты и явления природы (в противовес культурно-специфической лексике) и представляющей собой небольшой набор

«самых главных слов, самых главных значений, которые существуют фактически в каждом языке. Это слова типа *вода, солнце, земля, я, рука, нога*, т. е. те слова, которые... не заимствуются, а составляют базовый костяк языка» [Мудрак 2005]. Базовая лексика используется для описания наиболее важных для человека и наиболее часто встречающихся ситуаций общения. Минимальный набор базовой лексики представляется 100-словным списком Сводеша, используемым для оценки степени родства языков по такому признаку, как сходство их наиболее устойчивого базового словаря (см. [Старостин 2007: 782]):

я, мы, это, то, кто, что, не, все, многие, один, два, большой, длинный, маленький, женщина, человек, рыба, птица, собака (пёс), вошь, дерево, семя (семена), лист, корень, кора, кожа, кровь, кость, жир, яйцо, рог, хвост, перо, волосы, голова, ухо, глаз, нос, рот, зуб, язык, стопа, колено, рука, крыло, живот, шея, спина, грудь, сердце, печень, пить, есть (кушать), грызть (кусать), видеть, слышать, знать, спать, жить, умирать, убивать, плавать, летать, идти, приходиться, прийти, лежать, сидеть, стоять, давать, сказать, солнце, луна, звезда, вода, дождь, камень, песок, пыль, земля, дым, огонь, зола (пепел), жечь, дорога, путь, гора, красный, зелёный, жёлтый, белый, чёрный, ночь, день, год, тёплый, холодный, полный, новый, круглый, сухой, имя.

Как мы видим, он практически полностью состоит из концептуальной лексики (то же верно и для расширенного 207-словного списка Сводеша¹⁷).

Согласно результатам глоттохронологии, изучающей, в частности, праязык и восходящие к нему глобальные этимологии, ряд слов из приведенного списка содержался и в человеческом праязыке, ср.: «Есть набор корней, которые так или иначе обнаруживаются по всему земному шару. (...) Таких глобальных этимологий найдено довольно много, и я не умею объяснить это явление иначе, как предположив, что это слова, которые восходят к какому-то общему источнику (праязыку. — *А. К.*)» [Там же: 42].

Но выше мы показали, что лексика протоязыка целиком вошла в лексикон праязыка. Объединив этот вывод с положением Старостина, мы получим следующее утверждение: в лексике современных языков **присутствуют слова** не только пра-, но и **протоязыка**. Этот вывод чрезвычайно важен. Во-первых, он свидетельствует о том, что с исчезновением «не креативного» человека (анатомически современного человека, жившего более 50 тыс. лет назад и не владевшего

¹⁷ http://en.wiktionary.org/wiki/Appendix:Russian_Swadesh_list.

еще человеческим языком) его **протоязык не исчез полностью**: некоторые **слова** этого **протоязыка** вошли не только в человеческий праязык, но **сохранились и в современных человеческих языках**. А значит, слова человеческого протоязыка в своих (основных, или концептуальных) значениях **схожи** со словами современного человеческого языка (в их основных значениях) и доступны **непосредственному изучению**.

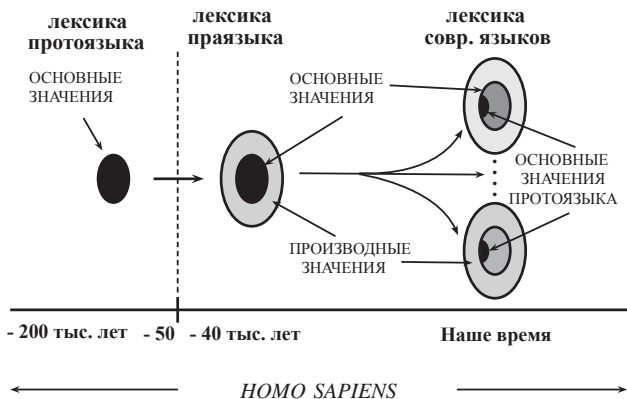

Рис. 3. Некоторые слова протоязыка сохранились в современных языках

6. По косвенным данным и в самом первом приближении можно считать, что лексикон протоязыка содержал 400—500 базовых лексем. Близкие цифры демонстрируют и носители современных «протоязыков», см. ниже. Так, лексикон ребенка перед началом языкового взрыва составляет 400—500 пассивных слов и 100—150 активных (напр., пассивный словарь двадцатимесячной Лизы Елисейевой содержал 479 лексем, а активный — 113 слов [Елисейева 2008: 63, 125, 142]). Аналогично, лексикон «говорящих» антропоидов составляет около 400 «слов» [Зорина, Смирнова 2006: 156].

Коснемся теперь организации фраз протоязыка. Здесь с определенной долей уверенности, опираясь на последующий анализ современных «протоязыков», можно сказать лишь следующее.

1) Типичная фраза содержала 2—4 слова, реже 5 и более слов.

2) Фразы подчинялись простейшему синтаксису, регулирующиему главным образом порядок слов, задающий предикативность: SVO («Субъект—Глагол—Объект»), SOV и т. д. Какая именно последовательность имела место, неясно, поскольку, порядок слов у детей «отражает порядок слов языкового входа» [Слобин 1984: 176].

По мнению С. Н. Цейтлин, для двухсловных детских фраз «характерен достаточно устойчивый порядок слов: субъект обычно предшествует предикату» [Цейтлин 2009: 109]. Сказанное верно и для «двухсловных фраз говорящих антропоидов» [Зорина, Смирнова 2006: 165].

3) Фразы протоязыка имеют весьма ограниченную сферу применения. Многие из них могут быть понятны слушающему лишь в ситуации непосредственного общения (в условиях «здесь и сейчас»). При этом фразы протоязыка заведомо способны нести ряд информационных функций: просьбу, описание событий, указание принадлежности, вопрос, отрицание и пр.; ср. со списком функций, выполняемых двухсловными высказываниями детей [Слобин, Грин 1976: 89—93].

Как видим, вырисовывающийся протоязык и в самом деле занимает промежуточное положение между системами коммуникации высших животных и человеческим языком.

7. Для аргументации изложенной гипотезы обратимся к двум моделям протоязыка, обычно используемым исследователями языковой эволюции: языку полутора-двухлетнего ребенка и «высказываниям» человекообразных обезьян на искусственных языках-посредниках. Нередко в этих же целях изучается и третья модель: пиджины и переход от пиджина к креольским языкам. Однако ее привлечение не кажется нам корректным, поскольку дети, порождающие из пиджина креольский язык, уже владеют каким-то (каждый своим) человеческим языком. Поясним эту мысль на примере текста на языке пиджин, который рассматривает Бикертон.

Мне повезло попасть на Гавайи до того, как исчез последний из старых добрых пиджинов, и я был очарован тем, как много можно сделать, имея такие ограниченные ресурсы. Здесь лишь один пример, философское размышление о превратностях судьбы, в котором практически нет синтаксиса и использовано всего 22 слова:

«Иногда хороший дорога иметь, иногда все одинаковый изгиб иметь, угол иметь, нет? Любой случай одинаковый, все одинаковый человеческий жизнь, все одинаковое — хороший дорога иметь, угол иметь, гора иметь, нет? Все, любой случай, шторм иметь, хороший день иметь, все одинаковый, любой, я тоже одинаковый, мелкий».

Правда, это был наш современник, свободно говорящий на своем родном языке (японском, как оказалось), и правда также, что вы не ожидали бы такого полета мысли от Человека работающего (*Homo ergaster*). Я лишь хотел показать, что можно сделать очень много, го-

раздо больше, чем вы думаете, всего лишь обладая крошечным словарным запасом и просто выстраивая слова в ряд.

И что же мы получим, вложив это в современную синтаксическую форму?

«Иногда [когда ты путешествуешь] ты едешь по хорошей дороге, а иногда встречаются препятствия: изгибы, острые углы, не так ли? Все так устроено, и человеческая жизнь тоже — иногда вам попадаются хорошие дороги, иногда такие вещи, которые будто углы или горы, да и погода может меняться: иногда ясные дни, а иногда грозы, разве не так? Конечно, жизнь такая у всех, такая была и у меня, когда я был молод».

Одного взгляда на последний текст (перевод с пиджина) достаточно, чтобы понять, что текст на языке пиджин не является адекватной моделью текста на протоязыке. В синтаксическом отношении этот текст вполне может считаться протоязыковым, поскольку синтаксиса человеческого языка в нем нет. Слова располагаются в ряд и нанизываются как бусинки на нитку, не образуя иерархической древоподобной структуры. Но в семантическом плане это вполне человеческий текст, поскольку многие его слова используются метафорически, т. е. в производных значениях: *дорога* — как жизненный путь, ее *изгиб*, *угол* — как препятствие, *погода* — как жизненная ситуация и т. д. Как мы убедились выше, лексика протоязыка таких значений не имела, поэтому данное содержание не могло быть выражено посредством протоязыка.

8. Детский язык. В качестве первого аналога протоязыка кратко остановимся на речи ребенка. Согласно ряду когнитивных данных, к полутора годам у ребенка формируется концептуальное представление окружающего мира. Детская речь в этот период имеет все свойства протоязыка. Ребенок в своей речи использует однозначную концептуальную лексику и особый синтаксис — не конвенциональный, присущий родному языку ребенка, а универсальный, или естественный:

Ребенок использует язык в его наиболее универсальном и истинно человеческом смысле уже на стадии двусловных предложений (...) основные функции (просьба, вопрос, отрицание, описание событий и др. — *А. К.*) обеспечиваются двусловными предложениями в речи детей на различных языках (включая самоа, а также луо — один из языков Кении; курсив мой. — *А. К.*). Межъязыковое сходство здесь просто поразительно» [Слобин, Грин 1976: 93—94].

Детские сочетания из двух слов так похожи по значению везде в мире, что кажутся переводом друг друга. Дети объявляют, когда пред-

меты появляются, исчезают, перемещаются; указывают на свойства предметов и на их владельцев; комментируют, что люди делают с вещами, и сообщают об увиденной вещи, отрицают существование предметов и действий или спрашивают о них и задают о них вопросы, начинающиеся со слов «кто, что, где» [Пинкер 2004: 255]¹⁸.

Аналогичные выводы следуют из анализа структуры двухсловных высказываний русских детей (см. [Цейтлин 2009: 105—113]).

В возрасте около двух лет¹⁹ наступает языковой и, в частности, лексический «взрыв» [Пинкер 2004: 255—256; Кошелев 2008: 221—224], обеспечивающий лавинообразное развитие детского языка.

Появление многозначности. В это же время детские слова становятся многозначными. Начинают встречаться «сознательные преднамеренные переименования»: двухлетняя Ася П. называет вязаную шапочку на голове матери *грибом*, Аня (1 год и 9 месяцев), положив цветок календулы на голову, говорит: *У Ани зонтик*. Аналогично дочь Жана Пиаже Жаклин (2 года и 3 месяца), держа расческу над головой, говорила: *Это зонтик* [Елисеева 2008: 84, 86 и сл.]. Подчеркнем: это не сверхгенерализации, а производные значения. Ребенок хорошо знает слова *шапка, цветок, расческа*, которые (в их основных значениях) нужно здесь использовать. В это же время (после двух лет) наблюдается «образование окказиональных переносных, метонимических и метафорических сравнений»:

Сравнения: Кот недовольно мяукнул. *Чирикнул он, как воробышек; метонимии:* Настоящие коробочки получились — о куличах, сделанных с помощью коробочки из-под масла; **метафоры:** Ребенок надел пустую головку от мака на пальчик: *Это наперсток* [Там же: 115]²⁰.

Эти и другие данные дают основание предполагать, что до двухлетнего возраста дети говорят на особом концептуальном языке, описывая на нем свое концептуальное (и универсальное) представление мира, ср. также: «В целом, как нам представляется, можно говорить о некоем „детском“ варианте языка», когда «языковая система ребен-

¹⁸ См. также [Clark 2009: 157—160].

¹⁹ В книге «От 2-х до 5-ти» К. Чуковский писал: «... начиная с двух лет всякий ребенок становится на короткое время гениальным лингвистом, а потом, к пяти-шести годам, эту гениальность утрачивает». Время появления этой языковой гениальности (языкового взрыва) у детей варьируется. Например, у Лизы Елисеевой он начался в 1 год и 8 месяцев [Елисеева 2008: 90].

²⁰ См. также [Цейтлин 2009: 198—203].

ка анализируется „сама по себе“ — как отражающая достигнутый к определенному моменту уровень когнитивного развития ребенка и способная удовлетворять его насущные коммуникативные потребности» [Цейтлин 2004: 277—278].

Появление дифференциации. Примерно в то же время (с двухлетнего возраста) дети начинают членить базовые концепты на отдельные части. Ср.:

В конце второго — начале третьего года жизни ребенок начинает выделять отдельные элементы, детали в объектах. Например, дети в возрасте 1 год 10 месяцев — 2 лет уже пытаются сорвать цветок, схватывая его за стебелек, берут крышку сахарницы за шишечку, а не всю ее и т. д. [Кольцова 1980: 37].

В этот период ребенок уже «просит называть предмет и его части: Женя И. (двух лет) хлопает рукой по сиденью трактора, смотрит на мать, вокализует и не успокаивается, пока мать не назовет части трактора (руль, сиденье и др.)» [Исенина 1986: 54].

Дети в возрасте до двух-трех лет усваивают... конструкции со значением «часть — целое» [Цейтлин 2000: 135].

9. «Язык говорящих антропоидов». В качестве второго аналога протоязыка рассмотрим совокупность «фраз» «говорящих» обезьян. Среди множества работ, посвященных этой теме, следует прежде всего отметить монографии [Панов 2005: 349—402; Зорина, Смирнова 2006: 133—241]. Приведем два фрагмента из последней книги. Первый из них описывает «жестовую речь» шимпанзе по имени Ушо, которая после трех лет обучения освоила около 130 знаков упрощенного американского языка жестов глухонемых. Вскоре после усвоения первых жестов-знаков она стала объединять их в цепочки: *Дай мне, Дай сладкий, Ушо пить скорее*. За ними последовали более длинные «фразы»: *Дай мне спрятаться, Дай мне скорее выйти, Дай мне дым* (зажженную сигарету). На просьбу ее наставника Р. Футса попросить более вежливо Ушо ответила: *Пожалуйста, дай мне этот горячий дым*.

Анализ структуры 158 фраз, самостоятельно составленных Ушо, показал, что в большинстве случаев порядок знаков в них отвечает принятому в английском языке (подлежащее — сказуемое — дополнение) и отражает те же, что у детей, основные типы отношений: субъект — действие, действие — объект, указательная частица — объект. {...} Ушо точно различала знак собственного имени и местоимения 1-го лица. Она регулярно использовала жесты *мне, я, ты* и притяжательные местоимения — *мой, твой* (это были разные знаки). {...} Она

хорошо представляла себе разницу между действующим субъектом и объектом его действий и демонстрировала это понимание при использовании не только имен собственных, но и местоимений. Обращаясь с какой-то просьбой, Уошо ставила *ты* перед *мне* в 90% случаев: *Ты выпустить я; Ты дай мне, но Я дам тебе*. Когда ей знаками говорили *Я щекотать тебя*, она ждала, что ее будут щекотать. Но когда ей говорили *Ты щекотать меня*, она, в свою очередь, бросалась щекотать собеседника (с. 158, 165).

Наряду с «протоязыком» у «говорящих обезьян» формируется некий коррелят человеческого концептуального мира. Подтверждением этого тезиса могут служить «языковые успехи» бонобо (карликового шимпанзе) Канзи. Он спонтанно (без специального обучения) усвоил звучание около 150 английских слов и, в тестовом эксперименте, устные задания, которые в ряде случаев давались ему через наушники разными воспитателями, находящимися в другой комнате.

В подавляющем большинстве случаев Канзи без какой-либо специальной тренировки правильно выполнял... инструкции: *⟨...⟩ Положи булку в микроволновку; Достань сок из холодильника; Дай черепахе картошки; Достань платок из кармана X. ... Налей кока-колу в лимонад; Налей лимонад в кока-колу. ⟨...⟩* В среднем Канзи выполнил правильно 81% заданий (с. 233—236)²¹.

Легко заметить, что все фразы описывают концептуальный мир. Очевидно, что, не располагая неким коррелятом концептуального мира человека, Канзи в принципе не мог бы столь успешно понимать их.

Комментируя результаты эксперимента, Д. Бикертон отмечает, что из понимания приведенных команд вовсе не следует, что Канзи понимал их синтаксис:

Если... кто-то говорит: «Подойди к холодильнику и достань апельсин», — вам не надо знать, что это высказывание состоит из двух сочиненных клауз, что «к» вводит локативную фразу или что «апельсин» является прямым дополнением к «достать»... все, что вам нужно, это значения четырех слов: «подойти», «холодильник», «достать» и «апельсин». «Подойти» говорит о том, что вам надо переместиться в другое место — к «холодильнику», а «достать» означает, что вам нужно получить что-то — «апельсин» [Bickerton 2009: 77—78].

С этим можно согласиться. Однако Канзи не мог бы понять эти фразы, не располагая «человекоподобным» концептуальным миром.

²¹ См. также [Панов 2005: 397; Savage-Rumbaugh et al. 1998: 57—73].

Как говорит далее Бикертон, обезьяны поняли «три значимые вещи»: 1) они научились различать имена собственные и имена категорий («похоже, что они интуитивно уловили разницу между словами для обозначения индивидуумов и словами для обозначения категорий»); 2) они без какого-либо специального обучения начали составлять жесты, чтобы создавать сообщения, настоящие предикации типа «Роджер щекотать», «трейлер ехать», «нет шарик»; 3) они научились понимать, что жест — это знак, т. е. имя вещи определенного вида. Вывод Бикертон так: «Обезьян можно обучить хотя бы некоторым из многих свойств языка... другими словами, **их можно обучить чему-то вроде протоязыка, может быть, сродни тому, который возник у наших предков**» (с. 80—83; выделено мной), ср. также мнение Бикертон о том, что «наше обезьянье наследие... дало нам способность к овладению протоязыком» (с. 89), см. еще [Fitch 2010: 167 f.].

Итак, формирование у ребенка дифференцированного и системного представления мира влечет и **формирование** из основных значений его исходно однозначных слов **производных значений**. У антропоидов такого нового этапа когнитивного развития не наступает. Канзи стал обучаться языку лексиграмм с раннего детства. Так что сенситивный период усвоения языка в его случае не был упущен. Однако его протоязыковое развитие, достигнув высокого уровня, застыло и перестало далее меняться.

З а м е ч а н и е. В связи со сказанным, обратим внимание на два отличия изложенной нами точки зрения от теории Бикертон. По мнению последнего именно с появлением языка началось совершенствование репрезентации окружающего мира. Мы же, напротив, считаем, что «совершенствование репрезентации окружающего мира», т. е. появление у человека его дискретного представления, было исходным фактором. Именно оно послужило толчком к образованию человеческого языка.

К числу слабых сторон лексической модели протоязыка Фитч относит допущение, согласно которому «существовавший когда-то протоязык затем исчез, и следовательно, его нет у современного человека, так что его атавистические проявления (protolinguistic „fossils“) возможны лишь в короткие периоды усвоения языка в раннем возрасте». Ранее об этом же писал Дикон в своей книге «Символический вид»: «кажется маловероятным, чтобы он (протоязык. — *А. К.*) исчез столь быстро в период длительной эволюции нашего вида» [Deacon 1997: 384].

В нашей трактовке исчезновения протоязыковых (основных) значений не происходит. Они благополучно переходят в праязык, до-

полняясь рядом производных значений. Более того, как мы показали выше, некоторые из них существуют и в современных языках.

10. Подведем итоги. Мы попытались показать, что последовательное формирование у ребенка сначала основных, а затем производных лексических значений, вместе с одновременно возникающей способностью к дифференциации объектов окружающего мира, является одним из свидетельств двухэтапного эволюционного развития человека (*Homo sapiens*). На первом этапе (200—50 тыс. лет назад) человек имел целостное, или концептуальное представление окружающего мира и ему соответствовал протоязык, лексикон которого составляли однозначные слова с основными значениями (концептами). Судя по данным археологии, его культурное и поведенческое развитие в этот период мало отличалось от развития неандертальца.

Примерно 50 тыс. лет назад в небольшой группе *Homo sapiens* произошла «одномоментная» перенастройка мозга, ознаменовавшая новый, собственно человеческий этап его развития. Благодаря такой перенастройке человек, среди прочего, обрел способность к разделению целостного окружающего мира на дробные составляющие (свойства, части) и к последующей системной интеграции этих дробных составляющих. Иначе говоря, человек, наряду с концептуальным представлением, стал формировать также дискретное, следовательно, и системное представление окружающего мира. Это, в свою очередь, повлекло за собой креативный взрыв, выразившийся в скачкообразном культурном и поведенческом прогрессе и в формировании полноценного естественного языка. В частности, прежде однозначные слова протоязыка обрели в рамках первого человеческого языка (праязыка) производные значения и стали многозначными.

Кстати сказать, теперь мы можем объяснить, почему многозначность лексики человеческого языка является лингвистической универсалией. Люди всех этносов располагают дискретным и системным представлением окружающего мира, а значит, им нужны семантические средства для формирования этноспецифических составляющих этих представлений.

ЛИТЕРАТУРА

Барулин 2008 — Барулин А. Н. К аргументации полигенеза // Разумное поведение и язык. Вып. 1: Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. М., 2008. С. 41—58.

- Виноградов 1977 — *Виноградов В. В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. Основные типы лексических значений слова. М., 1977. С. 162—189.
- Гумбольдт 1984 — *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- Елисеева 2008 — *Елисеева М. Б.* Фонетическое и лексическое развитие ребенка раннего возраста. СПб., 2008.
- Зорина, Смирнова 2006 — *Зорина З. А., Смирнова А. А.* О чем рассказали «говорящие» обезьяны: Способны ли высшие животные оперировать символами. М., 2006.
- Иванов 1990 — *Иванов Вяч. Вс.* Глоттохронология // Лингвистический энциклопедический словарь. М. 1990. С. 109—110.
- Исенина 1986 — *Исенина Е. И.* Дословный период развития речи у детей. Саратов, 1986.
- Кольцова 1980 — *Кольцова М. М.* Развитие сигнальных систем действительности у детей. Л., 1980.
- Кошелев 2008 — *Кошелев А. Д.* О качественном отличии человека от антропоида // Разумное поведение и язык. Вып. 1: Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. М., 2008. С. 193—230. <http://www.lrc-press.ru/05.htm>.
- Кошелев 2009 — *Кошелев А. Д.* О когнитивных факторах развития детской речи // Проблемы онтолингвистики — 2009: Мат-лы междунар. конф. (17—19 июня 2009 г., Санкт-Петербург). СПб., 2009. С. 54—61 (<http://www.lrc-press.ru/05.htm>).
- Курилович 1955 — *Курилович Е.* Заметки о значении слова // Вопр. языкознания. №3. 1955. С. 73—81.
- Лайонз 1978 — *Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
- Лакофф 2004 — *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004.
- Марков 2008 — *Марков А. В.* Зарождение человеческой культуры в Африке проходило в два этапа // Элементы: Новости науки: Электр. ресурс. 5.11.2008. (<http://elementy.ru/news?context=369876&discuss=430902>).
- Мудрак 2005 — *Мудрак О. А.* История языков: (Лекция, 09 ноября 2005: Электр. ресурс. <http://www.polit.ru/lectures/2005/11/09/mudrak.html>).
- Панов 2005 — *Панов Е. Н.* Знаки. Символы. Языки: Коммуникация в царстве животных и в мире людей. М., 2005.
- Панов 2011 — *Панов Е. Н.* Что может дать изучение коммуникации животных для проблемы происхождения языка? М., 2011 (в печати).
- Пинкер 2004 — *Пинкер С.* Язык как инстинкт. М., 2004.
- Северцов 1939 — *Северцов А. Н.* Морфологические закономерности эволюции. М.; Л. 1939.
- Слобин, Грин 1976 — *Слобин Д., Грин Дж.* Психоллингвистика / Пер. с англ. Е. И. Негневицкой; Под общ. ред. и с предисл. А. А. Леонтьева. М., 1976.
- Старостин 2003 — *Старостин С. А.* У человечества был единый праязык // Знание — сила. №8. 2003. С. 39—44.

- Старостин 2007 — *Старостин С. А.* О доказательстве языкового родства // Труды по языкознанию. М., 2007. С. 779—793.
- Цейтлин 2000 — *Цейтлин С. Н.* Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. М., 2000.
- Цейтлин 2009 — *Цейтлин С. Н.* Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М., 2009.
- Шишков 1803/2010 — *Шишков А. С.* Рассуждение о старом и новом слоге русского языка. СПб., 1803; 2-е изд., испр. М., 2010.
- Языковая номинация — Языковая номинация. Кн. 1—2 / Под ред. Б. А. Серебrenникова. М., 1977.
- Bickerton 1990 — *Bickerton D.* Language and Species. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1990.
- Bickerton 2007 — *Bickerton D.* Language evolution: A brief guide for linguists // *Lingua*. 117. 2007. P. 510—526.
- Bickerton 2008 — *Bickerton D.* But how did protolanguage actually start? // *Interaction Studies*. 9 (1). 2008. P. 169—176.
- Bickerton 2009 — *Bickerton D.* Adam's Tongue: How Humans Made Language, How Language Made Humans. N. Y.: Hill and Wang, 2009.
- Clark 2009 — *Clark E. V.* First Language Acquisition. 2nd ed. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2009.
- Deacon 1997 — *Deacon T. W.* The Symbolic Species: The co-evolution of language and the brain. N. Y.: Norton, 1997.
- Fitch 2010 — *Fitch W. T.* The Evolution of Language. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2010.
- Klein, Edgar 2002 — *Klein R. G. and Edgar B.* The Dawn of Human Culture. N. Y.: John Wiley & Sons, 2002.
- Kuryłowicz 1935 — *Kuryłowicz J.* Éduites indo-européennes. I. Kraków: Gebethner i Wolf, 1935.
- Lanyon 2006 — *Lanyon S. J.* A saltationist approach for the evolution of human cognition and language // The Evolution of Language: Proceedings of the 6th International Conference Publisher: World Scientific, 2006. P. 176—183.
- Ruhlen 1996 — *Ruhlen M.* Language origins. National Forum 1996. (http://findarticles.com/p/articles/mi_qa3651/is_199601/ai_n8757319/?tag=content;col1).
- Savage-Rumbaugh et al. 1998 — *Savage-Rumbaugh S., Shanker S. G., Taylor T.* Apes, Language, and the Human Mind. N. Y.: Oxford Univ. Press, 1998.